

Читательская проба пьесы „Циклон»
Елена Иоос

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ГЕОРГИЙ	знаменитый российский писатель грузинского происхождения (50 лет), видит себя в снах 17-летним юношей
ПЁТР	бывший морпех (35 лет), лежит в больнице с обширным инфарктом
ФОМА	Фома Ильич, церковный староста (65 лет),
СТЁПА	сирота, воспитанник Фомы (12 лет)
ЛЮДА	первая любовь Георгия (с чёрными волосами, 22 года), она же медсестра в больнице (с рыжими волосами, она же Дева Мария, поющая колыбельную и чёрная женщина. Обе последние появляются только в снах героев.
ГЛАВВРАЧ	Юрий Андреевич, лечащий врач Георгия, Петра и Фомы
РЫЖИЙ	влюблённый в Люду завсегдатай кафе «Лаваш»
2 САНИТАРА, они же ЮРОК и ТОЛЯН	} молодые люди
СВЯЩЕННИК ГУРГЕН ВРАЧ СКОРОЙ ПОМОЩИ	} тройная роль

Всего занято актёров: 11
Мужчин – 9, Женщин – 1, детей – 1

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена 1

ВИДЕОПРОЕКЦИЯ: Утренняя река.

По течению плывёт лодка, в ней на спине с закрытыми глазами лежит ГЕОРГИЙ. Шумит ветер. Лодка начинает раскачиваться. Георгий перекатывается в ней с боку на бок, внезапно открывает глаза и судорожно хватается за борта руками.

ГОЛОС ГЛАВВРАЧА. Давай-давай-давай дорогой!

ДЕВИЧИЙ ГОЛОС. Господи, а если он умрёт?

ГОЛОС ГЛАВВРАЧА. Не каркать! Давление?

ДЕВИЧИЙ ГОЛОС. Шестьдесят на сорок... Мамочки...

ГОЛОС ГЛАВВРАЧА. Валя! Шевелись! Коли давай!

ДЕВИЧИЙ ГОЛОС. Мамочки, это же сам Георгий Рамишвили!

ГОЛОС ГЛАВВРАЧА. И что теперь, стоймя стоять? Дефибриллятор! Живо!

Георгий беззвучно кричит и хватается за грудь. Лодка раскачивается в такт разрядам дефибриллятора.

ГОЛОС ГЛАВВРАЧА. Ещё разряд. Ещё раз... Есть!

Стук сердца. Лодка сама по себе причаливает к берегу, прямо к босым женским ногам. Георгий пытается рассмотреть лицо женщины, но ему мешает контровое солнце прямо за ее головой.

ГЕОРГИЙ. Люда! Это ты?

Сцена 2

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА, УТРО

Кардиологическая палата районной больницы на 3-4 койки. У каждой кровати стойка с капельницами и старенькая тумбочка. На тумбочках бутылки с водой и разнокалиберные кружки. Также в палате имеется небольшой стол и 3-4 стула. Стены обклеены белым кафелем, кое-где видны закрашенные белой краской квадратики от отвалившейся плитки. Новая современная кровать ГЕОРГИЯ контрастирует с обычными панцирными двух других пациентов, ФОМЫ и ПЕТРА. Фома (Ильич) – верующий пенсионер, у него бактериальный септический эндокардит и он ожидает квоту на операцию по замене клапана, что равносильно смертному приговору. Он полулежит на своей койке с кислородным катетером в носу. Пётр – бывший морпех в матросской тельняшке, лежит под капельницей.

ПЕТР. Фома Ильич, слышали? Кажется новенький нашу Людочку позвал.

Познакомился не просыпаясь. Вот это прыть! Умеют же люди.

ФОМА. И слава Богу. Его как положили вчера, так он и не шевелился. Я уж беспокоиться начал.

ПЁТР. Ему снотворное колют видать. Богатырский сон залог здоровья.

ФОМА. Ты не умничай, Петя, а лучше звони скорей в свой колокольчик, надо же кого-то позвать.

Пётр пожимает плечами и звонит в колокольчик.

ПЁТР. Не называйте меня Петей, сколько раз говорить.

ФОМА. Хорошо, хорошо, Пётр Алексеич.

ПЁТР. И Алексеича не надо, не на собрании. Просто Пётр.

ФОМА. Хорошо, просто Пётр.

Входит медсестра Люда.

ЛЮДА. Что вам, Петя? Опять канюля мешает?

ПЁТР. Да не Петя я! Сколько можно уже...

ЛЮДА. «Петя» само на язык просится. Вы такой милый.

ПЁТР. Ладно, Вам можно. Вон, клиент Ваш на барской койке очнулся.

ГЕОРГИЙ (*Люде*). Как ты меня нашла...

ЛЮДА. Вас, Георгий Автандилович, на скорой привезли. Не волнуйтесь, всё необходимое уже сделано. Наш главврач связывался с центром Бакулева. Оттуда Ваш друг доктор Гомиашвили приезжал, все лекарства привёз, рекомендации дал, всё выполнено. Пару дней полежите, и отправим Вас в Москву. Раньше никак нельзя, Вахтанг Михайлович не хочет рисковать.

Люда измеряет Георгию давление, температуру и записывает на листок в папочке.

ПЁТР. Видали, Фома Ильич, ему свои доктора лекарства специальные аж из Москвы везут. А мы тут с Вами на пролетарских шконках нитроглицерином спасаемся на общих основаниях.

ФОМА. Уймись, Пётр. На всё воля Божья.

ПЁТР. Вы, Фома Ильич, по воле-то Божьей помрёте скоро. Когда ещё квоту на операцию выделят, не дождётесь ведь.

ЛЮДА. Петя, ещё одно слово, и я введу Вам снотворное.

ПЁТР. Из Ваших рук, Людочка, хоть яд приму.

Фома ёрзает на своей кровати. Люда подходит к нему поправить подушку и одеяло.

ЛЮДА. Так хорошо, Фома Ильич?

ФОМА. Спасибо, Людочка, хорошо, не беспокойтесь.

ЛЮДА. Утку подложить?

ФОМА. Что вы, что вы, не нужно.

ПЁТР. Мне, мне подложите, Людочка, собственной ручкой.

ЛЮДА. У Вас, Петя, самообслуживание. И придержите свой колокольчик, если не трудно, пожалуйста. Георгий Автандилович отдохнуть должен.

ПЁТР. Шишка что-ль какая? Прыщ на ровном месте.

ЛЮДА. Это же Георгий Рамишвили! Вы что, его книжек не читали?

ПЁТР. Была охота. Про что хоть пишет? Фома Ильич, Вы читали?

ФОМА. Читал один роман. «Золото корпорации» называется. Довольно занимательно.

ЛЮДА. Я Вам принесу, у нас как раз на посту есть.

ПЁТР. Несите, всё равно делать нечего. Посмотрим, что за небожитель тут на нас упал.

Люда уходит.

Сцена 3

КАФЕ «ЛАВАШ», УТРО

1990 год. Обстановка интерьера: пять-шесть столиков, прилавков с витриной, где выставлены на тарелках лаваша, салаты, закуски. На свободной половине лежат деревянные засаленные счёты, рядом замусоленная тетрадка с отчётностью, заложенная карандашом. За прилавком на стене стеллажи с образцами бутылочного пива, армянских вин, коньяка и водки. Также видно раковину с водопроводным краном и выход на кухню. На окнах синтетические занавески, на стене портрет маршала Баграмяна. Молодая женщина необыкновенной красоты выходит из кухни и принимается вытирать посуду. Это Люда. На ней черная юбка-карандаш до колен и белая приталенная блузка с рюшками. Комплект дополняет маленький фартучек, грудка которого приколот к блузке дешёвой брошкой. Лицо почти без макияжа. На голове у неё белая наколочка, узел густых чёрных волос на затылке держится на одном гребне. За одним из столиков, отодвинув пустые тарелки и стаканы, сидят ТОЛЯН И ЮРОК и тихо переговариваются, поглядывая на Люду.

ТОЛЯН. Я сюда хожу как в музей, любоваться. Шансов, конечно нет, но, бог его знает, ноги сами несут. А она даже не смотрит... Гордая.

ЮРОК. На всех не насмотришься... А я так ничё, баба как баба. Моя Галка не хуже.

ТОЛЯН. Ах-ха-ха... сравнил... мерседес с телегой.

ЮРОК. Но-но, ты говори, да не заговаривайся... Моя Галка – надёжная как танковая броня. А эта что? Я красивым бабам не доверяю. Ведьмы все. А уж эта точно на метле прилетела. Окопалась тут, понимаешь, и сидит в засаде. Мужика, наверное, побогаче захомутать хочет. А чё, тут место бойкое. С такими-то параметрами – легко.

ТОЛЯН. Люда, Люд! Заверни-ка мне с собой лаваша горяченького!

Люда молча кладёт полотенце, уходит в дверь кухни, выносит пару лепёшек лаваша и заворачивает в серую бумагу.

ЛЮДА. Семьдесят копеек. Пожалуйста.

Толян подходит к прилавку, кладёт рубль на тарелочку для мелочи. Люда забирает рубль и считает сдачу.

ТОЛЯН. Сдачи не надо.

ЛЮДА. У нас не богадельня.

ТОЛЯН. Тогда ещё котлет вот этих, чтоб без сдачи. Улыбнись хоть, согрей сердце на дорожку.

ЛЮДА (*улыбается*). Всего доброго.

ЮРОК. И мне тоже... парочку лавашей заверни...те .

Люда пакует ещё две лепёшки. ЮРОК расплачивается. Люда снова протирает посуду.

ТОЛЯН стоит не в силах оторвать от неё взгляд.

ЮРОК. Толян, глаза смозолишь, пошли давай.

ТОЛЯН. Эх... может ещё по пивку, а, Юрок? Или беленькой лучше взять?

Сцена 4

Юный Георгий (17) с подбитым глазом входит в кафе. На нём простые брюки и рубашка.

ЛЮДА (*с укором*). Опять пришёл. Гера, ну сколько можно...

ГЕОРГИЙ. Здрась-сьте.

Люда подходит к Георгию, пальцами за подбородок поворачивает его лицо, разглядывает.

ЛЮДА. Здрасьте. Что это? Кто это тебя? Когда?

ГЕОРГИЙ. Вчера. Об косяк стукнулся.

ЛЮДА. Понятно. Косяк твой случайно не Рыжим зовут? Ладно. Садись вон туда.

Люда показывает Георгию на столик у самой стойки, берёт чистую тарелку, нож, вилку, салфетку и кладёт перед ним.

ЛЮДА. Что принести?

ГЕОРГИЙ. Мне только попить.

Сцена 5

Люда ставит перед Георгием тарелку с половинкой лаваша, стакан молока и уходит. В кафе вваливается РЫЖИЙ.

РЫЖИЙ. Людочка! Солнце моё, взгляни на меня-а-а. Моя ладонь превратилась... (*видит Георгия*) в кул-л-лак....

Толян и Юрок подхватывают песню В. Цоя: «И если есть порох дай огня-а-а-а...» Люда приносит бутылку водки и с громким стуком ставит на стол.

ЛЮДА. Вот так. И валите отсюда.

РЫЖИЙ. Чё ты, чё ты, Людмила, даже не покормишь что ли?

ЛЮДА. Жена покормит.

РЫЖИЙ. Какая жена, ты чё? Я уже два месяца ни-ни... Мне кроме тебя никто не нужен.

Рыжий кладёт мятую пятёрку на стол, отдаёт бутылку приятелям и указывает на дверь, те выходят. Люда забирает со стола деньги, поворачивается спиной к Рыжему и синхронно с ним беззвучно произносит фразы, зная заранее что он скажет.

РЫЖИЙ. Люд, сохну ведь я. Ну что мне сделать? Удавиться что-ли?

Георгий, наблюдая за этой сценой, невольно хихикает. Всё напряжение Рыжего выливается в приступ гнева. Он отбрасывает стул, подбегает к Георгию и заносит руку для удара.

РЫЖИЙ. Ах ты сучонок... Убью!

Люда бросается наперерез, принимает всю тяжесть тела Рыжего на себя и оба падают. Рыжий, обалдев от неожиданности и забыв про Георгия, целует Люду в губы, та уворачивается. Георгий бросается к Рыжему и пытается его оттащить.

ЛЮДА. Гурген!!

Сцена 6

Из кухни выбегает хозяин кафе Гурген с большим мясным ножом и одним рывком отшвыривает и Георгия, и Рыжего от Люды.

ГУРГЕН. Рыжий, я же сказал тебе - не приходи больше. Что не понятно?

РЫЖИЙ. Так ты с ним?! Ты - с ним?! С этим престарелым Буратино?

ЛЮДА. Я здесь работаю вообще-то.

Люда поднимается, узел на голове развалился, наколка упала на пол и волосы струятся по плечам.

РЫЖИЙ. Работает она! Вон, даже малолетки с ума посходили!

ГУРГЕН. Уходи, Рыжий, по-хорошему прошу.

РЫЖИЙ. Ты мне всю душу вымотала!

ЮРОК. Я ж говорю – ведьма!

ГУРГЕН. Я сейчас милицию вызову.

РЫЖИЙ. Зови хоть милицию, хоть всю твою диаспору... длинноносую.

ГУРГЕН (*с угрозой*). Смотри... Ты сказал.

Гурген уходит вглубь кафе. Рыжий пятится к дверям и убегает. Люда под краном моет руки и лицо с мылом. Её волосы густыми волнами падают почти до пояса. Гурген возвращается один. Люда выходит из-за стойки во всей своей красе чтобы поднять гребень и наколку с полу.

ГУРГЕН. Люда, ты бы хоть косынку надевала, что-ли... Из-за твоей красоты скоро без стульев останемся. Каждый день драки.

ЛЮДА. Зато выручка утроилась.

ГУРГЕН. Что правда, то правда. (*Георгию*) Ты чего тут околачиваешься? Тебе сколько лет?

ГЕОРГИЙ. Я попить зашел.

ГУРГЕН. Вижу. Пей своё молоко, вытирай губы и дуй отсюда.

ГЕОРГИЙ. Это не Ваше дело! Я сам решу, когда мне уходить!

Гурген усмехается, ставит стул на место и скрывается в недрах кафе. Люда подсаживается к Георгию за столик. Тот едва не плачет.

ЛЮДА. Ну, рассказывай, ты ведь не просто так пришёл?

ГЕОРГИЙ. Нет. Я уезжаю завтра.

ЛЮДА. Куда?

ГЕОРГИЙ. В Москву. В полиграфический институт поступать буду.

ЛЮДА. Ну, так хорошо же, что ж ты плачешь, дурачок?

ГЕОРГИЙ. Я тебя... люблю.

ЛЮДА (*по-матерински*). И я тебя люблю.

ГЕОРГИЙ. Нет, не так. Я тебя сильно люблю. Не... не вы...ходи, пожалуйста, замуж. Я вернусь и женюсь на тебе. Ты меня будешь ждать?

ЛЮДА. Конечно, вон как ты меня защищал. Как лев... почти.

ГОЛОС ГУРГЕНА. Люда, работа стоит!

ЛЮДА. Пойдем. Тебе пора.

Георгий шарит в кармане и кладёт на стол 20 копеек. Люда со смехом нежно приглаживает ему вихры и ведёт к дверям.

ЛЮДА. Всё. Учись хорошо. Приедешь, я оценки проверю. Шагай.

ГЕОРГИЙ. Поцелуй меня.

ЛЮДА. Чего-чего?

ГЕОРГИЙ (*канючит*). Поцелуй меня, пожалуйста... ну пожалуйста.

ГОЛОС ГУРГЕНА. Люда! Где ты ходишь, лаваш доставать пора!

ГЕОРГИЙ. Люд...

ЛЮДА. Ладно, ладно... Это тебе на дорожку, не реви только, жених.

Люда целует Георгия, едва касаясь уголка его губ, и выталкивает за дверь. Георгий уходит счастливый, тихонько трогая пальцами поцелованное место.

Сцена 7

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА , ДЕНЬ

Георгий (50), очень бледный, лежит на кровати. На тумбочке стоит иконка Всех Скорбящих Радость, под кроватью сумка с вещами Георгия. Фома читает перед иконой молитву, делая паузы для тяжкого вдоха. Лицо Фомы жёлто-сероватого цвета со звёздочками лопнувших капилляров. Пётр, полусидя на своей койке, читает книжку «Георгий Рамишвили. Золото корпорации»

ФОМА Сего ради с верою сердечною и любовию от души припадаем к Тебе яко Царице и Владычице, и псаломски вопити Тебе дерзаем: слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо Твое, услыши моление наше, и избави нас от обстоящих бед и скорбей: Ты бо прошения всех верных, яко скорбящих радость, исполняеши, и душам их мир и утешение подаеши. Се зриши беду нашу и скорбь: яви нам милость Твою, поели утешение уязвленному печалию сердцу нашему, покажи и удиви на нас грешных богатство милосердия Твоего, подаждь нам слезы покаяния ко очищению грехов наших и утолению гнева Божия, да с чистым сердцем, совестию благою и надеждою несумненною прибегаем ко Твоему ходатайству и заступлению: приими, всемилостивая наша Владычице Богородице, усердное моление наше Тебе приносимое, и не отрини нас недостойных от Твоего благосердия, но подаждь нам избавление от скорби и болезни, защити нас от всякого навета вражия и клеветы человеческия, буди нам помощница неотступная во все дни жизни нашея, яко да под Твоим матерним покровом всегда пребудем цели и сохранени Твоим заступлением и молитвами к Сыну Твоему и Богу Спасителю нашему, Ему же подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцем и Святым Духом, ныне и присно и во веки веков, Аминь.

ГЕОРГИЙ. Что это за молитва, батюшка?

ФОМА. Я не батюшка. Я всего лишь церковный староста из местного прихода. А молитва - Богородице перед иконой Всех Скорбящих Радости. Ваш друг доктор принёс пока Вы спали. Ещё вон вещи Вам передал.

ГЕОРГИЙ (*нащупывает рукой сумку*). Понятно. Это Вато, мы с детства дружим, в одном дворе выросли.

ФОМА. У Вас замечательный друг.

ПЁТР. Что же он - врач, а сам в Бога верует?

ФОМА. Одно другому не мешает.

ГЕОРГИЙ. Да нет, это мать передала. Она сама-то не ходит.

ПЁТР. Видать, плохи Ваши дела... только на Бога уповать и осталось.

ФОМА. Молитва матери за сына может творить чудеса. И я помолился Богородице о помощи и заступничестве, чтоб силы появились покаяться и исцелиться.

ГЕОРГИЙ. Покаяться... Откуда Вам знать, может и не грешил я вовсе?

ФОМА. Все грешат.

ПЁТР. И Вы тоже, Фома Ильич?

ФОМА. И я...

ПЁТР. А так-то и не скажешь... (*Георгию*) Я ему говорю, зачем молиться, если не просят? Может, Вы неверующий, креста-то на Вас нету. Может, у Вас принципы? Вон, книжка Ваша – одно название чего стоит - «Золото корпорации». Вы кроме золота и не верите ни во что.

ГЕОРГИЙ (*Фоме*). Я Георгий Рамишвили, а Ваше имя как?

ФОМА. Фома Ильич Соседов.

Фома и Георгий обмениваются рукопожатием.

ГЕОРГИЙ. Спасибо, Фома Ильич. Я вообще-то крещёный, так что молитва Ваша очень уместна. Вы сами-то едва дышите, лечь Вам надо, трудно ведь стоять.

ФОМА. Не то трудно, что тяжело, а то, что совестно...

Фома, тяжело дыша, в поту идёт к своей койке и садится. Георгий находит под кроватью сумку, достаёт спортивные штаны и майку, переодевается.

ГЕОРГИЙ. Вам-то чего совеститься, Фома Ильич?

ПЁТР. На то они и церковники, чтоб им совестно было. Раньше коммунисты совестью народа были. Теперь они. А ещё либералы наши доморощенные. Вы ведь, Георгий Автандилович, поди, либерал?

ГЕОРГИЙ. Да как сказать... Ну да, я за свободу личности.. Но и других тоже нужно уважать.

ПЁТР. Вот за это хвалю. Теперь понятно, почему Вы ещё в Европах не живёте.

Дружки-то Ваши, Бакунины – Воронины всякие, гузки напружинили и косяком туда свалили. Как будто там своих мудаков не хватает.

ФОМА. Ох, Петя, Петя, язык твой, враг твой.

ПЁТР. Это личное дело моей свободной личности. Хха-ха! (*Георгию*) Кстати, меня Петром зовут. Валяюсь тут уже два дня с обширным инфарктом. А у вас что?

ГЕОРГИЙ. Стеноз аортального клапана. Как барышня, в обморок упал. Вчера утром ехал с дачи и колесо проколол, пришлось самому возиться. Сначала вроде ничего, а потом плохо стало, еле успел с трассы съехать. Давно пора клапан менять. Из клиники звонят, напоминают, а я всё тяну.

ПЁТР. Тянет он, видали? Вон, старосте нашему тоже клапана нужны. Причём уже вчера! А там очередь. Ай! Зла не хватает! Была б моя воля... Фома Ильич, Фома Ильич! Вы живой там? Эй!

Фома лежит на кровати с закрытыми глазами и не отзывается. Пётр испуганно трезвонит в колокольчик. Приходит Люда.

ЛЮДА. Петя, как вы можете, ведь кругом больные люди. Ведь мы приходим, смотрим. Вы опять всё отделение переполошили своим колокольчиком.

ПЁТР. А если у вас тут кнопки вызова не работают, я виноват? Нам тут каждая минута дорога. Фома наш, не отзывается, как бы он не того...

Люда подходит к Фоме, слегка похлопывает по плечу, щупает пульс, Фома слабо реагирует. Люда спешно выходит и громко отдаёт распоряжения: «Юрия Андрейча в восьмую зовите, быстро! Валя, Света...»

Сцена 8

У ЦЕРКВИ И В ЦЕРКВИ, УТРО

Фома копает глину в овраге за церковью и высыпает в ведро. Вдруг лопата лязгнула о металл. Фома бросает лопату и руками высвобождает из глины чугунок, отверстие которого закрыто медным блюдцем и запаяно воском. Фома еле поднимается с тяжёлой ношей в руках и, спотыкаясь, тащит чугунок в церковь.

В церкви тут и там лежат мешки с цементом и известью, стоят банки с краской, валяются доски, у стен видны козлы. Фома торопливо заходит внутрь, находит топор и отколупывает с чугунка медную тарелку. Он подносит чугунок к свету и вскрикивает от удивления. С улицы доносятся лёгкие шаги и открывается дверь. Входит СТЁПА.

СТЁПА. Фома Ильич, там рубероид привезли, куда разгружать... Ой, что это?

ФОМА. Клад... нашёл.

Стёпа заглядывает в чугунок и достаёт напёрсный серебряный с позолотой и цветной эмалью крест.

СТЁПА. Вот это да! Красотища.

ФОМА. Стёпа, кто там во дворе?

СТЁПА. Так рубероид же привезли. Водитель спрашивает, куда сгружать. Щас ещё тётя Катя придёт.

ФОМА. Скажи, за сараем есть место. И зови тетю Катю сюда, если пришла, быстро!

СТЁПА. Ага.

Стёпа рванул к дверям, сунув крест в чугунок.

ФОМА. Стёпа, постой. Не говори пока никому про клад. Мало ли что, охраны-то нет.

СТЁПА (*убегая*). Ага.

ФОМА. Стёпа, постой. Звони в скорую, плохо мне...

Стёпа берёт у Фомы телефон и набирает номер, но телефон не ловит сеть.

СТЁПА (*почти плача*). Фома Ильич, Фома Ильич, только дождитесь, ладно? Я мигом!

Мальчик стрелой вылетает из церкви. Фома, с трудом дыша, прячет чугунок за алтарём и остаётся сидеть на полу, бормоча молитву перед иконой Богородицы.

ФОМА. Царице моя преблагая, Надеждо моя, Богородице, Приятелище сирых и странных Предстательнице, скорбящих Радосте, обидимых Покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь; помози ми, яко немощну, окорми мя, яко странна! Обиду

мою веси – разреши ту, яко волиши! Яко не имам инья помощи, разве Тебе, ни инья Предстательницы, ни благия Утешительницы, токмо Тебе, о Богомати!..

Вбегают Стёпа и врач скорой помощи. Фома теряет сознание. Пока медик проводит свои манипуляции, Стёпа обнаруживает спрятанный Фомой чугунок.

ВИДЕОПРОЕКЦИЯ: Видение Фомы.

Дева Мария (та же актриса, что играет Люду), качает младенца и напевает песенку, вокруг неё мир движется, сливается в общую массу.

Баю-баюшки, баю
Я сынулечку мою.
Положу тебя я спать
На дубовую кровать.
Кровать нова, дубова,
Постелюшка пухова,
А подушка у тебя
С лебединого пера.
Соболиным одеялом
Покрываю я тебя.
Спи-тко, дитятко, усни,
Ангел милый да храни.
Ангел милого хранит,
До полудня спать велит.
Полудёночек придет,
Мальчик встанет и пойдет.

Сцена 9

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА , ВЕЧЕР

Люда проверяет канюлю на руке Фомы.

ФОМА. Людочка, я Богородицу видел.

ЛЮДА. Значит, всё хорошо будет. Она красивая?

ФОМА. Очень.

Люда настраивает Фоме капельницу, затем, приподняв его голову подбивает подушку. Закончив, подходит к спящему Георгию и Петру, который тоже как будто спит с книжкой на груди.

ЛЮДА. Фома Ильич, там Стёпа ждёт. Запускать? Только шёпотом говорите.

Люда исчезает за дверью, вместо неё появляется Стёпа. Он на цыпочках проходит к кровати Фомы и садится на стул. В руках у него пакет с пирожками.

СТЁПА. Здрасьте, Фома Ильич. Тётя Катя пирожков вот напекла.

ФОМА. Спасибо. Почему она сама не пришла, я же просил?

СТЁПА. Так она это... уехала куда-то срочно по делам.

ФОМА. Как так? Она что, не знает про чугунок? Стёпа, правду говори.

СТЁПА. Вы же сами не велели никому рассказывать.

ФОМА. Ох, Стёпа, а для чего я её звал-то, как думаешь? Кто чугунок сдаст?

СТЁПА. Церковь всё равно закрыта. Я потом ей скажу.

Пётр чутко прислушивается к разговору. Стёпа украдкой протягивает Фоме крест.

ФОМА. Ты что, Стёпа! Зачем ты его взял?

СТЁПА. Отдайте самому главному тут, пусть Вам операцию сделают!

ФОМА. Стёпушка, это же воровство, как ты мог? Нельзя так. Верни его на место, сегодня же, сейчас же!

СТЁПА. Они же всё отберут.

ФОМА. Кто «они», Стёпа? Это же церковное имущество! Пойми же ты!

СТЁПА. Фома Ильич, я всё придумал, никто не узнает. Я в интернете посмотрел. Знаете, сколько он стоит?

ФОМА. Нет, нет и нет, даже думать об этом не смей!

СТЁПА. Да там на всё хватит. И на операцию, и на ремонт, и ещё на приют отдадим.

ФОМА. Нет и нет, Стёпа. Дай-ка я сам Катерине позвоню, где мой телефон? Ты принёс?

СТЁПА. Нет, забыл, завтра принесу.

ФОМА. Эх, Стёпа, Стёпа... что же ты буровишь-то... ладно, иди. Больше ничего не трогай.

У Петра падает книжка. Стёпа резко оборачивается. Фома прячет крест под подушку.

Пётр делано потягивается, зевает и садится на кровати.

ПЁТР. Шепчетесь? Ну-ну...

ФОМА. Иди Стёпа... Не твоё это дело.

СТЁПА (*запальчиво*). Нет моё! Почему вы зазря умирать должны? Почему этим вон всё (*показывает на Георгия*), а вам ничего?! Я хочу, чтоб вы жили...

ФОМА. Иди, Стёпа, иди, родной. Бог с тобой, всё устроится. И тете Кате скажи, пусть сегодня же придёт и телефон ей отдай.

СТЁПА (*в слезах*). Всё по правде должно быть, а если не по правде, тогда... тогда... И Бога не надо!

ФОМА. Стёпа! Что ты говоришь...

Стёпа убегает. Пётр поднимает книгу и встаёт с койки.

Сцена 10

ПЁТР. Интересно, чем завтра кормить будут? Есть охота – аж желудок свело. Я почти ничего не съел на ужин. От варёной трески с души воротит. Как подошва резиновая.

ФОМА. Петя, возьми вот пирожки, Стёпа принёс.

ПЁТР. Пётр, Пётр я, сколько раз повторять. А с чем пирожки?

ФОМА. Не знаю, не пробовал. Да и не хочется мне. Аппетита нет.

ПЁТР. Смотрите, меня дважды просить не надо. Точно не будете?

ФОМА. Нет, не буду, кусок в горло не лезет.

ПЁТР. Вот спасибо. (*Забирает пакет с пирожками и открывает на ходу*) О! С яблоками! Мои любимые.

Георгий спит, Пётр оставляет пакет на своей тумбочке, ложится с пирожком в руках и углубляется в книжку. Фома, убедившись, что Пётр на него не смотрит, нашаривает

крест под подушкой, садится на кровать и прячет его поглубже в верхний ящик своей прикроватной тумбочки. Думает пару секунд и перепрятывает крест под матрас, но и там опасно – предательская цепочка свешивается сквозь панцирную сетку до самого пола. Фома достаёт крест, заворачивает в бумажную салфетку и снова кладёт в ящик тумбочки, прикрыв сверху другой салфеткой. Пётр только делает вид, что не смотрит, а сам внимательно наблюдает за всеми манипуляциями Фомы.

ПЁТР. Что Вам не лежится, Фома Ильич? Подать чего? *(показывает на мочеприёмник)*
ФОМА. Спасибо, Петя... Пётр. Я уж как-нибудь сам на opravку схожу. Неловко.

Фома ковыляет до выхода. Петя хищно за ним следит. Как только дверь за Фомой закрывается, Петя орлом взвизгивает со своего места и припадает к тумбочке, находит крест, замирает на мгновение, но, заслышав шаги, пулей возвращается на свою кровать. Входит Люда.

ЛЮДА. Петя, а где Фома Ильич?

ПЁТР. В галльон пошёл. Стесняется в утку ходить. Людочка, что Вы делаете сегодня вечером?

ЛЮДА. Петя!

Люда уходит. Пётр тут же метнулся к тумбочке восстановить маскировку и возвращается на своё место.

Сцена 11

ГЕОРГИЙ. Пётр! Что вы скачете как заяц? Вам что-то возбуждающее колют?

ПЁТР. Да так, у меня вода кончилась. Дай, думаю, у Фомы Ильича разживусь. А у него тоже кончилась.

ГЕОРГИЙ. Идите сюда, у меня есть.

Петя берёт свою кружку, подходит к Георгию, тот присаживается на кровати и наливает ему воду.

ПЁТР. Слава богу, есть кому налить стакан воды.

ГЕОРГИЙ. А так некому?

ПЁТР. Некому.

Пётр и Георгий сидят теперь друг против друга на кроватях и, не сговариваясь, чокаются кружками.

ГЕОРГИЙ. За здравие.

ПЁТР. Хорошо пошла.

ГЕОРГИЙ. Жаль, закуски нету.

ПЁТР. Как это нету? Пока вы спали, к нашему Фоме визитёр приходил, пирожков принёс. А он мне отдал. Щас оформим закуску по первому разряду.

Пётр взял пакет со своей тумбочки, свернул края и положил на стул между кроватями. Туда же Георгий поставил начатую бутылку с водой.

ПЁТР. Отличный натюрморт получился. Ешьте, а то вы и обед, и ужин проспали. Может сбегать, сказать чтоб принесли? Они обязаны. Сегодня давали варёную треску с рисом. Объедение, а не ужин.

ГЕОРГИЙ. Спасибо, что-то не хочется, домашние пирожки всяко лучше. М-м, с яблоками. А вы чего не берёте?

ПЁТР. Я после первой не закусываю.

Георгий разливает снова.

ГЕОРГИЙ. За что на этот раз?

ПЁТР. За любовь.

Чокаются, выпивают. Входит ГЛАВВРАЧ Юрий Андреевич.

ПЁТР. Полундра!

Пётр делано-торопливо ложится и складывает руки с пустой кружкой на груди. Главврач нюхает бутылку. Георгий и Пётр хихикают. Входит Люда.

ГЛАВВРАЧ. Юмор это хорошо... (*читает показатели Георгия на табличке*)

Ложитесь, ложитесь, Георгий Автандилович.

ГЕОРГИЙ. Да я уже все бока отлежал.

ГЛАВВРАЧ. Сон для Вас – лучшее лекарство.

ГЕОРГИЙ. Долго я спал?

ГЛАВВРАЧ. Долго.

ГЕОРГИЙ. Теперь, наверное, уже выспался. Мысли всякие в голову лезут. Как вы думаете, Юрий Андреевич, я проскочил?

ГЛАВВРАЧ. А как вы сами чувствуете?

ГЕОРГИЙ. Как я чувствую?.. Помните, у Бродского: «...И осенью, и летом не умру, / Не всколыхнется зимняя простынка. / Взгляни, любовь, как в розовом углу / Горит меж мной и жизнью паутинка.» Сколько раз читал это, а понял только сейчас. Как тонка связь между ЗДЕСЬ и ТАМ. Но мне кажется... что паутинка моя ещё крепкая.

ГЛАВВРАЧ. Тогда все отлично! Завтра вас доставят в центр Бакулева.

ПЁТР. А меня домой отпустите. От лёжки затекают ножки. Мне двигаться надо.

ГЛАВВРАЧ. Кто Вам двигаться запрещает? Ходите по коридору.

ПЁТР. Лучше бы домой отпустили.

ГЛАВВРАЧ. Пока рано. Отпустим, когда можно будет.

Главврач смотрит с папку с анализами и показателями Фомы, хмурится. Входят Фома и Люда, которая, поддерживает его за локоть.

ГЛАВВРАЧ. Фома Ильич! Почему Вы не слушаетесь? Я пожалуюсь на Вас Отцу Евпатию. Вам нельзя вставать. Людочка, почему не следите?

ФОМА. Нет-нет, доктор, она очень хорошо следит. Так хорошо, что даже совестно. Не ругайте её напрасно.

ГЛАВВРАЧ. Совестно будет мне, Фома Ильич, если я вас не додержу до операции. Простите.

ФОМА. Не берёт Господь мою грешную душу...

ПЁТР. Вы здесь нужнее, Фома Ильич. Оставайтесь с нами, я Вам новые тапки куплю.

ФОМА. Спасибо, Петя... Пётр. Вы добрый человек.

Уложив Фому, Люда подходит к Петру.

ЛЮДА. Пётр Алексеич, Вашу ручку.

Пётр протягивает руку с закреплённой канюлей Людмиле и она надевает манжету тонометра.

ГЛАВВРАЧ. Людочка, Петру Алексеичу завтра всё по старой схеме. И ЛФК.

ПЁТР. Физкультурой лечить будете?

ГЛАВВРАЧ. Ею, родимой. И, Пётр Алексеич, у меня к Вам большая просьба. Отдайте мне ваш колокольчик. Пожалуйста. У нас же кардиологическое отделение, а не пожарная часть. Наша медсестра делает обход каждый час.

ПЕТР. Ваши медсёстры на две ставки пашут. Мало ли что... А если я между обходами помирать начну? Нетушки. Пусть я выгляжу как идиот, зато моя жизнь в моих руках.

Главврач качает головой, желает спокойной ночи и уходит. Люда по-хозяйски оглядывает палату и прикрывает фрамугу окна.

ЛЮДА. Петя, не бойтесь, я буду чаще к Вам заглядывать. Спокойной ночи.

ПЁТР. Пётр я.

Люда, уходит и оставляет открытой дверь.

Сцена 12

ПЁТР. Не бойтесь... так-то легко говорить... Эй, писатель, вы спите?

ГЕОРГИЙ. Нет. За день выспался.

ПЁТР. Сказать Вам хочу. Вы завтра уедете и, может, правды-то не узнаете. Вот вы сказали : «Я проскочил»... А это ведь Юрий Андреевич вас с того света вытащил, а Вы ему даже спасибо не сказали. Бро-о-одский, паутинка какая-то...

В палату заглядывает Люда и выключает свет.

ПЁТР. Вон Ваша паутинка-то, на вторую смену заступила. Так-то.

Пётр встаёт с кровати и делает простые физические упражнения – махи руками, ногами, повороты туловища...

ГЕОРГИЙ. Я догадываюсь, не тупой.

ПЁТР. А кто вас знает...

ГЕОРГИЙ. Кого это «вас»?

ПЁТР. Да повылазило вас, деятелей всяких... Умничаете в телевизоре, с канала на канал скачете. В какой-то параллельной реальности живёте. Смотришь иной раз и думаешь: вы там вменяемые? Людям порой куснуть нечего, кроме макарон, а вы про неправильную демократию триндите. Как с другой планеты, ей богу. Может, вы пришельцы?

ГЕОРГИЙ. Почему пришельцы?

ПЁТР. Ну вот вы прилетели со своей сказочной планеты, где кисельная река и молочные берега... То есть наоборот, ну, вы поняли... И, значит, смотрите вокруг, а здесь всё неправильно: молоко не такое и кисель не тот. Но вы-то знаете как правильно, и начинаете учить нас наш кисель варить и молоко доить...

ГЕОРГИЙ. Умного человека послушать всегда полезно.

ПЁТР. Умного – полезно, а от ваших словес почему-то молоко наше горьким становится, а кисель жидким.

ГЕОРГИЙ. Активней надо быть, гибче, свободнее...

ПЁТР. Это для того чтоб воровать легче было? Это значит, как жулик этот... как его... Полонский сказал, если у меня нет миллиарда, чтоб я в жопу шёл?

ГЕОРГИЙ. Я вообще говорю, в абстрактном смысле. А Вы, Петя, случайно не член КПРФ?

ПЁТР. Сочувствующий.

ГЕОРГИЙ. Оно и видно. Вы, как все коммунисты, не можете оторваться от своей привычной миски, в которой молоко давно прокисло.

ПЁТР. Моб твою ж ять! И я вот за таких как ты здоровье отдал? Чтоб вы сейчас нам тут небо коптили?!

ГЕОРГИЙ. Начинается. Петя, я не готов вести с Вами идеологические дискуссии. Не вижу смысла.

ПЁТР. Во-первых, я Вам не Петя! А во вторых, у кого нет идеологии, у того нет Родины! Всё! Мне не о чем с Вами больше разговаривать. Ярких Вам снов! Писсатель.

ГЕОРГИЙ. Спасибо. И вам того же.

Петр ложится, поворачивается на бок и в комнате становится тихо.

ПЁТР. ...ох и курить охота...

Сцена 13

У кровати Петра появляется женщина в чёрном.

ПЁТР. Чёрный во-о-о-ро-он, да чёрный во-о-о-ро-он, да что ты вьё-о-о-ошься да надо мно-о-о-й... а ты добы-ы-чи-и не дождё-о-шься-а-а, чёр-ный во-о-орон я не тво-ой.

ЖЕНЩИНА В ЧЁРНОМ. Петя. Петенька. Ты меня ждёшь?

ПЁТР. Чё тебя ждать-то.

ЖЕНЩИНА В ЧЁРНОМ. Правильно. Не надо ждать. А то радости не будет.

ПЁТР. Какая с тебя радость? Приходишь по ночам душу мотать.

ЖЕНЩИНА В ЧЁРНОМ. А ты не бойся, обними меня.

ВИДЕОПРОЕКЦИЯ: Видение Петра

Субъективная камера. Пётр бежит, тяжело дыша по сумеречному ландшафту. Голос: «Пётр, слева, третий дом, чердак, снайпер работает.....» Стебельки травы, длинные тени от камней при лунном свете, топот ног рядом. Звук выстрела, падение, стрельба, , кувырок, подъём, бег, прыжок, падение, бег, взрывы мин, внезапная остановка, сбой дыхания, красные струйки, ЗТМ

ГОЛОС ПЕТРА. Мамочка...

Мелодично позванивает колокольчик. Пётр открывает глаза – перед ним узкая щель, через которую видно звёздное небо и силуэт коровы с колокольчиком. Пётр делает попытки пошевелиться и не может – на нём лежит труп. Он, теряя силы, ползёт из ямы.

ПЁТР. Стой, родненькая. Не уходи, только не уходи...

Сцена 14

БОЛЬНИЧНАЯ ПАЛАТА , НОЧЬ

Койка Георгия пуста. Через открытую дверь палаты слышны тихие голоса Люды и Георгия с медсестринского поста, позвякивают чайные ложечки в стаканах. Люда заходит в палату, подходит к спящему Фоме, прислушивается, проверяет пульс, потом к Петру, прислушивается к дыханию, уходит.

Появляется невысокая человеческая фигурка в надвинутой на глаза кепке.

ГОЛОС ГЕОРГИЯ. Прекрасное у Вас имя - Людмила. Милая людям.

ГОЛОС ЛЮДЫ. Да...

Человек, замерев на мгновение, движется к кровати Петра, тот, кажется, спит. Тогда фигура поворачивает в сторону Фомы и наклоняется над ним.

ГОЛОС ГЕОРГИЯ. А детское, домашнее имя у вас было? Дайте отгадаю... Люся? Милочка? Лютик? Нет?

ГОЛОС ЛЮДЫ. Лися.

Человек суетливо осматривает тумбочку Фомы.

ГОЛОС ГЕОРГИЯ. Как же я не догадался? Вы и вправду на лисичку похожи. У вас, наверное, потрясающе красивая мама.

ГОЛОС ЛЮДЫ. Да... очень красивая...

ГОЛОС ГЕОРГИЯ. А как её имя?

ГОЛОС ЛЮДЫ. Тоже Людмила.

ГОЛОС ГЕОРГИЯ. А... отец ваш здоровствует?

ГОЛОС ЛЮДЫ. Конечно!

Пётр тихонько поднимается и хватает человека за шиворот. Тот вскрикивает от неожиданности и оборачивается. Пётр срывает кепку с головы человека - это Стёпа. Фома просыпается. Стёпа вырывается и убегает, чуть не сбив с ног Люду. Георгий заходит в палату, прикрывает за собой дверь и включает свет.

Сцена 15

Люда помогает Фоме занять положение полулёжа и тот сразу заглядывает в ящик и, увидев белый свёрток, успокаивается. Пётр с кепкой в руке стоит босиком посреди палаты.

ПЁТР. Это Стёпка что-ли был?

ЛЮДА. Петя, наденьте тапочки.

Петя находит и надевает тапки, ставит стул ближе к кровати Фомы, садится.

ПЁТР. Колитесь, Фома Ильич. Чую я, тут дело нечисто.

ФОМА. Нечисто, Петя... Пётр. Но я бы не хотел ничего обсуждать.

ПЁТР. Э-э нет. Так просто Вы от меня не отвертитесь.

ГЕОРГИЙ. Не приставайте, Пётр. Вам же сказали – нет. Значит нет. Фоме Ильичу надо успокоиться и уснуть.

ПЁТР. Что? Уснуть? Это как же он теперь уснёт-то, а? Это ж Стёпка! Он же как внук почти ему, грабить его приходил!

ГЕОРГИЙ. Ну почему сразу грабить? Может забыл что-то, пришёл забрать, а будить не хотел...

ПЁТР (*усмехается*). Точно, он же пирожки давеча приносил! Забыл, видно попробовать. Дай, думает, сбегаю, стырю один. Не смешите.

Пётр подходит к стулу, на котором лежат недоеденные пирожки, берёт пакет, достаёт по пирожку каждому, комкает пустой пакет и роняет на пол.

ПЁТР. Ёж твою халат...

ГЕОРГИЙ. Аккуратнее.

Пётр, уже собиравшийся поднять комок, резко выпрямляется, с вызывающим видом подпинает комок и откусывает от пирожка.

Георгий всучивает Петру пирожок обратно, ищет глазами салфетку. Люда подаёт ему бумажный платочек и Георгий вытирает жирные пальцы.

ГЕОРГИЙ. Послушайте, Петя, вы не можете вмешиваться, если вас не просят. Здесь, видимо, личная тайна какая-то.

Пётр в один присест глотаёт второй пирожок, облизывает пальцы и показательно вытирает об штаны.

ПЁТР. Во-первых, я вам не Петя. А во-вторых, эта личная тайна и меня теперь касается. Я ведь Стёпку и убить мог нечаянно. (*Фоме*) Из-за Ваших тайн, Фома Ильич, я в тюрьму мог загреметь! Так что карты на стол.

ЛЮДА. Петя, не наглейте. Идите на своё место.

Люда подбирает бумажный комок.

ПЁТР (*Георгию*). Это у вас, у пришельцев, место - сторона. Сижу с краю, ничего не знаю. Холу свою грыжу – ничего не вижу. Так и преступление века прохлопать можно.

ГЕОРГИЙ. Что вы болтаете, пинкертон самозванный.

ПЁТР. Если вам наплевать, ложитесь в свою господскую люльку и дрыхните, если можете. У Фомы Ильича беда, а вы... Айй!

Пётр презрительно отворачивается от Георгия и укладывается в кровать, небрежно свернув одеяло комком. Люда с пирожком в руках выходит. Фома задумчиво жуёт свой пирожок на койке.

ГЕОРГИЙ. Мне не наплевать. Но у меня тоже есть принципы и первый из них – не нарушать чужую свободу.

Георгий ложится в кровать, аккуратно расправив одеяло.

ПЁТР. Если ваша свобода - делать вид, что всё в порядке, когда кругом пожар, тогда катитесь со своей грёбаной свободой куда подальше.

ГЕОРГИЙ. Приятных снов, пожарник.

ПЕТР. И вам счастливо проснуться.

ФОМА. Ну, ты уж, Пётр, совсем распоясался. Язык-то попридержи... Ладно, давайте спать.

ПЁТР. Эх, Фома Ильич!.. Вам же хуже будет.

ФОМА. Что Господь пошлёт, то и будет.

Фома закашливается. Пётр берёт бутылку с водой с тумбочки Георгия, подходит к кровати Фомы, наливает воды в кружку.

ПЁТР. Запейте-ка, суховаты пирожки-то.

ФОМА. Спасибо.

ПЁТР (*тихо*). Фома Ильич, может, всё-таки проясним обстановку?

ФОМА. Спасибо, Петя, не беспокойся. Стёпа просто очень за моё здоровье переживает.

Он ведь с детства при мне...

Горько махнув рукой, Пётр возвращается к себе на кровать. Входит Люда, ещё раз всё проверяет.

ЛЮДА. Угмонились, Петя?

ПЁТР. Угмонились...

ЛЮДА. Тогда всем спать.

ФОМА. Отдыхайте, Людочка, надоели мы вам уже, наверное.

ПЁТР. Ага. Хуже горькой редьки.

ГЕОРГИЙ. Людочка, у Вас когда дежурство заканчивается?

ЛЮДА. Завтра, вернее уже сегодня в восемь.

ГЕОРГИЙ. А когда вернётесь?

ЛЮДА. Если всё по плану, то послезавтра вечером. Спите, Георгий Автандилович, Вам нужно сил набираться перед операцией.

Люда ещё раз осматривает палату, выключает свет и уходит, оставив дверь открытой.

Сцена 16

КАФЕ «ЛАВАШ»

1995 год. За одним из столиков Рыжий, Толян и Юрок пьют пиво.

ЮРОК. Я вчера Гальке своей говорю: «Курочка моя, я ведь не для собственного удовольствия пью. Оглянись - кругом грязь, нищета и запустение! Как тут выдержать?» А она меня как шандарахнет сковородкой. Во, глядите, по руке попала.

РЫЖИЙ. И всё? Я бы на её месте тебя вообще заклевал.

ЮРОК. За что?

РЫЖИЙ. За тупость. Людочка! Людок! Принеси сухариков, пожалуйста!

Входит Георгий. У него модная стрижка, дорогие очки, хорошие джинсы и кожаная куртка. В руках объёмная тяжёлая сумка. Он подходит к стойке, на безымянном пальце правой руки видно обручальное кольцо.

Из кухни выходит Люда. Глаза подкрашены, губы чуть подведены неяркой помадой, волосы завязаны узлом на затылке и покрыты косынкой. Лицо Георгия вытягивается.

Мельком взглянув на Георгия, она берёт пачку сухариков, высыпает в вазочку, несёт Рыжему на стол, возвращается.

ГЕОРГИЙ. Здравствуй... Людок...

ЛЮДА. Кому Людок, а кому – Людмила Александровна. Что заказывать будешь?

ГЕОРГИЙ (*читает меню*). Первые блюда... мацнабрдош, чирапур... вторые – баклажаны с ореховой подливкой, заманчиво... картофель в молоке, борани... Мацбардош впервые вижу.

ЛЮДА. Это окрошка. Мясные блюда – шашлык по-карски, дичь на вертеле...

ГЕОРГИЙ. Ух ты, даже дичь поймали.

ЛЮДА. А как же. Делай заказ, Георгий Автандилович, а то мне некогда.

ГЕОРГИЙ. Окрошку и шашлык, пожалуйста.

ЛЮДА. Двадцать две тысячи шестьсот. Устроит?

ГЕОРГИЙ. Устроит. А почему ты... Вы спрашиваете?

ЛЮДА. Мало-ли, у людей по-разному бывает. Времена нынче трудные.

Люда выставляет бутылку воды, открывает, подаёт чистый бокал и уходит. Рыжий, Толян и Юрок о чём-то тихо переговариваются, поглядывая на Георгия. Тот берёт бутылку с чистым стаканом и садится за «свой» столик перед витриной. Рыжий подходит и садится напротив.

РЫЖИЙ. Слышь, ты, огрызок, чё пришёл? Вырядился. Думал, не узнаем?

ГЕОРГИЙ. Ничего я не думал. Покушать зашёл. Случайно.

РЫЖИЙ. Случайно. Ну да, ну да... Хорошо здесь, правда? Тепло, уютно... бедненько, но чисто.

ГЕОРГИЙ. Да.

Люда приносит столовый прибор, потом подаёт окрошку и лаваш. Рыжий цепко за ней наблюдает. Её лицо ничего не выражает. Георгий благодарит и начинает есть.

РЫЖИЙ. Приятного аппетита.

ГЕОРГИЙ. Спасибо.

ЛЮДА. (*Рыжему*). Иди на место.

РЫЖИЙ. Моё место собачье, у твоей ноги. Гав! Га-а-ав! Где ты, там и я. Почешу тебя за ушком.

ЛЮДА. Клоун.

Рыжий изображает жаждущего ласки пса. Люда уходит за стойку.

РЫЖИЙ (*Георгию*). Ещё красивей стала, да?

Георгий неопределённо пожимает плечами.

РЫЖИЙ. Что? Борзый что-ли стал?

ГЕОРГИЙ. Слушай, отвали, а? Иди, грызи свои сухарики.

РЫЖИЙ. Толян, Юрок, видали? Герка-грузин заборзел! Вырос видать. И денежки водятся...

ГЕОРГИЙ. Иди работай, и у тебя заведутся.

РЫЖИЙ. Ну точно - вырос. Ба-алшой человек стал. Джигит хоть куда! Асса! Асса!

Рыжий пытается станцевать лезгинку прямо сидя за столом. Стол качается, крошка выплёскивается. Георгий не выдерживает и хватает его за грудки. Толян и Юрок вскочили и смотрят с интересом.

РЫЖИЙ. Ша, парни, сам разберусь.

Георгий ударяет Рыжего под дых. Тот не остаётся в долгу и заносит в челюсть.

Мужчины катаются по полу. Подбегает Люда.

ЛЮДА. Оставь его! Гадёныш! Убирайся!

ТОЛЯН. Ты за кого болеешь, Люд, за наших, или за грузинскую сборную?

ЛЮДА. Прекратите! Я милицию вызову!

РЫЖИЙ. Мне-то чё... Это ему неприятности.

ЛЮДА. Рыжий, я же тебя просила!

Рыжий прекращает борьбу, мужчины поднимаются.

РЫЖИЙ. Всё, всё... Слышь, Гера, это она тебя гадёнышем назвала - ты и убирайся.

ГЕОРГИЙ. А может тебя?

РЫЖИЙ. Не, Гера, гад – это ты. Змей очковый. Чего приполз?

ГЕОРГИЙ. Тебя не спросил.

РЫЖИЙ. Думаешь, раз денежки завелись, то всё можно? Герой-любовник хренов.

ЛЮДА. Рыжий, иди домой и дружков своих уводи, а ты, Гера, зачем бы ни приехал - уезжай.

Рыжий зло задевает Георгия плечом и садится на своё место.

ГЕОРГИЙ. Люда... мне поговорить с тобой нужно.

ЛЮДА. Говори. Только короче, мне некогда.

ГЕОРГИЙ. Давай не здесь.

Люда отходит подальше от Рыжего на авансцену.

ЛЮДА. Ну.

ГЕОРГИЙ. Помнишь, я за тобой вернуться хотел?

ЛЮДА. Помню.

ГЕОРГИЙ. Я вернулся.

ЛЮДА. Ух ты. Смешно. Ты же, типа, женат? *(указывает на кольцо)*

ГЕОРГИЙ. Типа да... Но я тебя люблю. А жена... грузинские обычаи, ты же понимаешь...

ЛЮДА *(насмешливо)*. Понимаю. В любовницы меня взять хочешь? И сколько дашь за услуги?

ГЕОРГИЙ. Зачем ты так? Уедем в Испанию, я дом куплю. Я больше не бедный, Люд... деньги есть, всё тебе отдам.

ЛЮДА. Всё-всё? А как же грузинские обычаи? Семья это святое.

ГЕОРГИЙ. Я заработаю, на всё хватит. Поехали прямо сейчас. Брось всё и едем.

ЛЮДА. Прямо как в кино - взять всё и бросить? А как же зарплата?

ГЕОРГИЙ. Какая зарплата, Люд? У тебя будет всё что хочешь.

ЛЮДА. Я лаваш люблю.

ГЕОРГИЙ. Я тебе свою лавашную куплю.

ЛЮДА *(насмешливо)*. Прямо вот так возьмёшь и купишь?

ГЕОРГИЙ. Конечно! Всё куплю.

Люда оглядывается на Рыжего, тот держит стакан, в который Юрок наливает пива.

ЛЮДА. Ну если так, тогда едем, только быстро.

Георгий хватается её за руку и они идут к «выходу» - на другую сторону авансцены.

ЛЮДА. Куда ты меня тащишь?

ГЕОРГИЙ. В гостиницу.

ЛЮДА. Правильно, чего тянуть.

Рыжий ставит стакан на стол, подбегает к Люде с Георгием и хватается её за руку.

ГЕОРГИЙ. Люда!

РЫЖИЙ. Люды захотел? Вот тебе Люда.

Рыжий бьёт Георгия по лицу у того идёт носом кровь. Люда заслоняет его собой и Рыжий опускает руки. Подскочившие Юрок с Толяном подают Георгию платок и поливают водой из бутылки.

РЫЖИЙ. Куда ты собралась? Что он тебе наобещал?

ЛЮДА. Свою лавашную купить обещал. Много чего, тебе и не снилось.

РЫЖИЙ. А мне, Людок, кроме тебя вообще ничего не снится. Всё, хватит меня мучить.

Или ты сейчас едешь со мной, или...

ЛЮДА. Что «или», Рыжий?

РЫЖИЙ. Или никогда меня больше не увидишь. Не могу я так больше. Пять лет вокруг тебя прыгаю, а ты хоть бы раз слово ласковое сказала. «Рыжий, Рыжий...» Меня, между прочим, Колей зовут. Всю душу из меня вытянула. Всё. Решай.

ГЕОРГИЙ. Люда!

ЛЮДА. Что Вы в меня все вцепились как собаки в кусок мяса! Хоть бы кто спросил, чего я хочу, что МНЕ нужно. Как будто кроме красоты этой проклятой у меня за душу ничего нет! Вот ты, Гера, что ты обо мне знаешь, кроме имени? А ты, Коля?

РЫЖИЙ. Я-то? Да всё я про тебя знаю. Что забывудки любишь, что птиц кормишь зимой, что деньги матери отправляешь, хоть и отказалась она от тебя. Что отец твой срок мотает за...

Люда закрывает лицо руками. Рыжий обнимает её очень бережно.

РЫЖИЙ. Не бойся, я тебя никогда не обижу. И ещё я знаю, что без тебя жить не буду. А этот сучонок – будет. Тебе семья нужна настоящая, муж и дети.

Люда отстраняется от Рыжего.

ЛЮДА. Какая с тобой семья, Коля! Ты же всё время в подпитии.

РЫЖИЙ. В подпитии, но контроля не теряю. Своё место около тебя знаю. Выйдешь за меня – ни капли больше в рот не возьму. Слово даю.

ЛЮДА. Слово... Дорого нынче за слова платят, а, Гера?

Георгий идёт к столику и приносит Люде сумку, полную денег.

ЛЮДА. Ого, это мне? Аванс что-ли?

ГЕОРГИЙ. Называй как хочешь. Это весь мой гонорар за первую книгу.

РЫЖИЙ. Ну ты и дурак, Гера, ой дура-а-ак... У меня прям от сердца отлегло. Я уж думал всё... рехнулась моя Людка на почве гордыни своей зверской... Да разве ей деньги твои нужны? Да она, если б хотела, десять раз за таких как ты замуж выйти могла. Идиот малолетний.

Рыжий берёт пачку денег, делит пополам, в виде погон прикладывает Георгию на плечи и козыряет.

РЫЖИЙ. Сержант Антонов стрельбу закончил. (*Люде*) Всё, хватит. Поиграла в театр и будя. Ишь, лавашную ей пообещали. Ты со мной на рыбалку будешь ездить, спиртного больше в рот не возьму. Я сказал.

Рыжий берёт Люду за руку и ведёт в кафе. Георгий, Юрок и Толян остаются.

ГЕОРГИЙ. Люда!

РЫЖИЙ. Отвались, короста.

Ветер/сквозняк раздувает упавшие с плеч Георгия купюры.

Занавес.
Конец 1 действия